

12+

Мария Часовитина

Клеща

Мария Часовитина

Клеща

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Часовитина М.

Клеща / М. Часовитина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Люсьену укусил мутированный клещ. Господин Брыкин проглотил непонятные пилюли. С обоими начинает твориться что-то неладное. Оба обращаются за помощью в поликлинику, где персонал ведет себя довольно странно. Да и само медучреждение оборачивается местом, где находятся пальцеголовые существа. Так и не получив помощи, главные герои вынуждены бежать. Где скрываться и кому верить, если даже соседка оказывается совсем не той, за кого себя выдавала? Спасение сулит лес, но и у него есть свои секреты. А время идет - и это тоже немаловажный факт.

© Часовитина М., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Что-то заставило темную маленькую точку оставить дерево. Она приземлилась на человеческое тело. Сделала надрез и начала питаться сочившимся из раны жизненным соком. Темная маленькая точка не только брала, она и делилась с жертвой – своим вырабатываемым особым веществом. И неизвестно, какие последствия могли произойти при смешивании его с человеческой кровью...

1.

Люсьена подрабатывала уборщицей в школе. Ей нравилась эта работа. Приятно было ощущать свою значимость. В том числе, и направляясь в подсобное помещение за ведром, шваброй и вечно серой, – даже когда новая, – тряпкой.

Вода, весело журча, наполняла ведро. Женщина поднимала его легко и, не перед кем не красуясь, ровно, не сгибаясь, шла к кабинетам классов. Погружала тряпку в воду, крепко выжимала ее и бодро принималась за работу. А потом ставила собственные рекорды скорости, быстро вымывая пол в длинных коридорах школы.

Помимо осознания собственной значимости, в качестве еще одной приятной составляющей, являлась зарплата, стабильно приходящая каждый месяц на карточку. Да и вообще, в свои шестьдесят Люсьене нравилось чувствовать, что ее работа нужна кому-то, а сама она полна сил и может вести довольно активный образ жизни.

По этой же причине и работы на территории возле домика, в котором она жила, тоже были ей по душе. Женщина, конечно, ворчала: «Вот, на старости лет приходится самой огород копать... Зато помидоры-огурцы никуда от тебя не уедут – даже если очень сильно захотят...» Но высказывала недовольство она больше для вида и потому что умела говорить. В действительности ей очень нравилось выращивать самой фрукты-овощи. Вовремя покупать семена. Проращивать их на подоконнике. Всаживать по ночам и поливать рассаду – так как забыла это сделать утром. В срок высаживать возле дома, копаться в земле. И, конечно же, пожинать плоды трудов своих.

В этот день она, отработав положенные часы в школе, отдыхала под яблоней в тени сада. Захватила из кухни кусочек свежего поклеванного хлеба, посыпанного солью. «Замечательный я себе устроила себе пикник на свежем воздухе», – думала женщина, удобно расположившись в соломенном кресле и запивая хлеб сладким ароматным чаем, настоящим на смородиновом листе.

Легкий укус, наподобие комариного, она почувствовала. Но особого значения ему не придавала. Лишь несильно хлопнула себя по спине, немного выше левой лопатки. Через некоторое время, продолжая пить чай, провела рукой по тому же самому месту. И, – словно стараясь смахнуть чувство дискомфорта, – еще раз. Но неприятное ощущение осталось.

– Да что же там такое, – ворчливо произнесла она и начала, как могла, исследовать начавшее зудеть место. Место укуса было не очень хорошо видно. Повернув максимально голову влево, Люсьена все же смогла разглядеть маленькую черную точку. Поначалу ей показалось, что это просто родинка. Но пристально взглядевшись, заметила, что точка обладает тоненькими, словно волоски, ножками. Люсьена забеспокоилась.

– Привет, Лимиговна, – крикнула она маячившей в огороде соседнего домика полнова-той женщине в длинной красной юбке и просторной, не стеснявшей движений, голубой рубахе. Своим странным отчеством она была обязана отцу родом из Китая. Тот, приехав однажды в командировку в чуждую всему его жизненному укладу Россию, оттуда быстро уехал. Однако успел оставить необычное отчество дочурке. Так, по крайней мере, рассказывала сама Лимиговна, которая на тему своей личной жизни говорила крайне мало и неохотно.

– Привет, Савельевна, – отвечала та, вытирая руки об выуженную из юбки широкую белую тряпку. Сомнительно чистые руки расположились на тупых клиньях невысокого забора, образуя прямую – от локтя до локтя.

– Посмотри, что у меня тут, слева, ниже плеча. Никак сама не могу разглядеть, – Люсьена максимально приблизилась к забору, подставляя плечо.

– Да тебе срочно в больницу нужно бежать, – отшатнулась от нее соседка. – Там у тебя кто-то сидит, вон и ножки его торчат, а голова ушла под кожу. Клещ, наверное, присосался.

У обеих женщин были телевизоры дома. Обе их практически не выключали. Быть в курсе всего, – от предсказаний племени майя до того, как с помощью огуречного сока наладить работу желудочно-кишечного тракта, – дамы считали своей прямой обязанностью. Поэтому обе прекрасно знали, что сейчас клещи активизировались и участились случаи заболеваний, передающихся с их укусом. Сами только недавно обсуждали эту тему. Лемиговна сразу напонила соседке, как людей предостерегали от занятий самолечением и советовали обращаться за помощью к медикам.

– Да, да, – закивала и Люсьена. – Помню, говорили: «не нужно самим пытаться вытащить клеща. Это опасно».

– Правильно! Иначе можно разорвать его и оставить частицу под кожей, куда он уже проник. А это верный способ заразиться какой-нибудь гадостью. К тому же, врачи должны проверить – переносчик он болезней или нет, – проговорила Лемиговна, словно заученный урок. – Так что, живо в поликлинику!!

Женщины быстро попрощались. Дома Люсьена в момент собрала все необходимое. Документы в строжайшем порядке лежали в верхнем ящике комода. Для того, чтобы они всегда были под рукой, отводился день, предназначенный исключительно для наведения порядка. «Так, заросла...», – обычно говорила Люсьена, присаживаясь возле комода. От этого места порядок плавно распространялся на весь дом, превращаясь в капитальную уборку.

Через несколько минут женщина уже шла в поликлинику, а в ее очень вместительной женской сумочке свободно размещались все необходимые для приема документы.

Люсьена не доверяла врачам. Хотя, конечно, за свою жизнь ей не раз приходилось с ними сталкиваться. Она понимала, что врачи, как и люди, все разные. Но судьба всякий раз сводила ее с не очень хорошими людьми, освоившихся в этой профессии, что и накладывало отпечаток на восприятие всех медиков в целом. Поэтому каждый раз, встречаясь с людьми в белых халатах, Люсьена чувствовала себя загнанным в угол зверьком. Ощущала свою беспомощность и их могущество. В связи с чем, обращаться к врачам старалась крайне редко, когда совсем прижимало и уже не работало народное средство «ляг, поспи и все пройдет».

Был момент, когда однажды, застряв надолго в больнице, она пришла к выводу, что медики – это особые люди, составляющие своеобразное братство, чем-то напоминающее секту.

«Своя одежда, свой язык, а эти иероглифы, которые они выводят, когда пишут, – рассуждала она в полудреме от таблеток, – к тому же, в их руках наши жизни...» Этот вывод Люсьена скоро забыла, как забывала все, что было связано с медучреждениями, когда из них выписывалась. Но вспоминала всякий раз, когда снова сталкивалась с медиками.

Очень быстро женщина добралась до поликлиники. Огороженный черным решетчатым забором дом медучреждения, выкрашенный в темно-бордовый цвет, усилил тревожность. Чувство мерзости с налетом безысходности подкатило к горлу. Она постаралась выдохнуть его. Взялась за ручку двери. Решительно дернула. Дверь медленно поддалась. Поликлиника заглохла очередного посетителя.

2.

Ненавидела Люсьена в поликлиниках и длинные, подолгу застывающие на месте очереди. Первая, – в регистратуру, – встречала своих посетителей практически сразу, как только они закрывали за собой дверь.

Регистратура огородилась от визитеров стеной. Связь людей и медперсонала осуществлялась через небольшие окошки. В соответствии с их количеством, вошедшие делились на два лагеря. Новички, по наитию, примыкали к одному из хвостов очереди.

Люсьена встала в левую колонну, за женщиной в черном платье с изображением на нем больших серых пятен. По традиции, очередь двигалась очень медленно. Заскучав, Люсьена принялась разглядывать платье стоящей рядом особы, поражаясь, как можно надеть на себя столь мрачный балахон. «Какая-то нелепая тоска», – подумала Люсьена и перевела взгляд с платья. Но рядом стоявшие также не вселяли оптимизма и не отличались чем-то, веселящим взгляд. Женщина переводила взгляд с одной спины на другую – и сразу поняла, что это не менее увлекательное занятие. В какой-то момент люди показались ей одинаковыми. Они застыли, объединенные бесполезностью ожидания. «Роботы, – пронеслось в голове, – запрограммированная толпа». Продолжая рассматривать посетителей, она заметила, как перед окошками регистратуры люди кланяются. Почтенно сгибался каждый, кто становился первым в очереди. Вынуждала кланяться находившаяся под окнами, на уровне груди, небольшая щель. Узкая настолько, чтобы в нее смогла поместиться лишь протянутая рука с документами. В эту щель и старались говорить посетители клиники, непроизвольно кланяясь.

Женщина мысленно возмутилась: «да тут невозможно не поклониться! Кому это нужно, чтобы люди именно так начинали визит к врачам. Заблаговременно их уважали, почитали и благодарили. А еще в такой позе мы смиренны и доверчиво-беззащитны».

Люсьена размышляла над поклонами, одновременно наблюдая за мужчиной, стоявшим сейчас первым. Согнувшись, тот пытался рассказать, что его сюда привело. Визитер говорил в щель, то и дело сбиваясь под ощупывающим взглядом работницы регистратуры.

Наблюдая за скучным диалогом, Люсьена вдруг ощутила, как по очереди прошла волна. Возле окошка вдруг возникло лицо – человек в черной шляпе со страдальческим взглядом. Его тут же невзлюбили.

– Вы что это без очереди лезете? – напала на него чрезмерно бойкая особа. – А еще шляпу напялил! В помещениях снимают головные уборы!

– Да я уже стоял в очереди, – отбивалось лицо, моментально сняв шляпу и извиняющимся тоном бубнило объяснения: – Я уже и к врачу очередь прошел, но там вдруг выяснилось, что у него нет моей карточки, хотя должна была быть, раз здесь мне ее не дали. Врач без карточки меня принять отказался. Поэтому я сюда и вернулся... карточку взять...

Очередь ошетибилась. Видно было, что человек не врет. Но и пропускать его никто не хотел. Всем было плевать на объяснения. Главным стало всеобщее желание – не пропустить. К тому же, сейчас вторая работница регистратуры куда-то ушла и очередь практически не двигалась.

– Всем здесь нужно карточки взять! – рявкнул на лицо чей-то голос.

Почувствовав враждебность и не имея достаточно сил для противостояния, человек встал за Люсьеной. Она с сочувствием взглянула на него – лицо выражало покорность. Очередь успокоилась: подчинив своей воле, она моментально о нем забыла.

Через полчаса Люсьена продвинулась на целых два шага вперед. Незначительное продвижение. Зато с нового места было удобнее смотреть, что происходит по ту сторону пластикового окна. Воспользовавшись предоставленным развлечением, Люсьена стала наблюдать за работой медперсонала.

Оставшаяся одна регистраторша чувствовала себя невероятно важной. «Она как королева в своем царстве, – сравнила женщина. – И поведение соответствующее. Презрительно-снисходительное по отношению к окружающим. А как медленно она все делает...»

Действительно, торопиться и делать свою работу в ускоренном темпе та явно не собиралась. «Где написано, что один работник должен работать за двоих?», – откровенно читалось в ее взгляде. И она бы произнесла эту фразу, осмелюсь кто затронуть сию скользкую тему. Движения и речь медработницы тоже подчинялись определенному ритуалу, который все здесь выполняли неукоснительно.

– Фамилия, место проживания? – слышала Люсьена как спрашивала та невероятно усталым, даже в начале рабочего дня, голосом. Получив ответ на запрос, даже если человек продолжал говорить, она его уже не слушала. Медленно поднималась и шла вглубь кабинета, к многочисленным стеллажам. На полках стояли пухлые тетради. На разноцветных корешках синими чернилами были выведены фамилии пациентов. Над тетрадями торчали потемневшие картонки с прочерченными через трафарет буквами алфавита. Регистраторша, ориентируясь по этим знакам, подходила в определенное место. Цепкими пальцами выхватывала одну из множества тетрадей. Словно боясь расплескаться, медленно плыла с ней обратно.

Люсьена наблюдала за скучными действиями обеих сторон. По мере приближения к заветному окошку, начала волноваться. Это всегда происходило. Почему перед медработниками она вся внутренне сжималась и начинала что-то мямлить заискивающим голосом, она не знала. Видимо, подчиняясь тому же самому негласному закону, который воздействовал и на посетителей поликлиники. Она чувствовала, как все вокруг нее говорило: «согнись, молчи и уходи» – и ей действительно хотелось так поступить.

Окошко перед Люсьеной освободилось. Она шагнула вперед.

– Вот тут, слева, возле лопатки, у меня клещ, наверное, – пригибаясь к щели («и я тоже...»), залепетала она, приподнимая рукав кофты, чтобы показать проблемное место.

– Значит, вам в 001-ый кабинет, – изменила порядок слов работница регистратуры, и, бросив быстрый взгляд, резко пресекла действия Люсьены. – Не надо мне тут ничего показывать! Идите к врачу, там и показывайте! Сначала к терапевту, в 5-ый, а оттуда вас направят, куда нужно. – Далее пошло по схеме: – Фамилия, место проживания?..

Произнесенные Люсьеной фамилия и место проживания включили механизм. Он заработал. Женщина задвигалась. Пошла к стеллажам. Долго возилась возле одного из них. Переворошила, – сначала в одну сторону, потом в другую – стоявшие там тетрадки. Налаженный механизм дал сбой. Медработница обернулась, недоуменно подняв доведенные до цвета угольной черноты брови, крикнула с места:

– Когда вы у нас были?..

– Ой, давненько, наверное... – Люсьена стала мучительно вспоминать, когда же она действительно в последний раз здесь была. Но журнал посещений поликлиники она не вела. Поэтому ничего конкретно сказать не могла.

– В этом году были? – в голосе сотрудника послышались грозные нотки («приходят же такие, кто журнал посещений поликлиники не ведет...»)

– Нет, вроде бы, – запинаясь, отвечала Люсьена и зачем-то еще раз, поменяв местами слова, повторила то же самое: – Вроде бы, нет.

– Но я не нахожу вашей истории! – обвинял ее голос.

В нем Люсьене слышалась сталь. «Таким голосом можно резать. Или – зарезать. В зависимости, от ситуации. А сейчас она явно складывается не в мою пользу...» – пронеслось в голове, в то время как она уже пыталась хоть что-то сказать:

– Что же делать... куда же она подевалась-то, – бормотала женщина.

Не удосужив Люсьену и взглядом, медработница молча прошла к своему месту. Поравнявшись с ним, вдруг исчезла – нагнулась. Затем появилась – выпрямилась. Но уже с результатом фокуса, держа в руках маленькую табуретку. С ней снова последовала в сторону стеллажей. Но прошла мимо них. Поставила стульчик возле самого дальнего, стоявшего отдельно от всех, шкафа. На полке, располагавшейся выше роста медработницы, тоже находились тетради с фамилиями. Люсьене не видно было лица работника регистратуры, но она понимала, что оно сейчас явно не излучает доброту и человеколюбие.

Толстый палец медработницы водил по корешкам тетрадей. На нем железным желтым светился огромный камень, заточенный в кольцо. Этот ритуал Люсьена уже наблюдала: сначала

палец двигается в одну сторону, потом, уже медленнее, в другую. Наконец, нужная тетрадка была выцеплена.

Брезгливо поджав ярко-малиновые губы, медработница попыталась слезть с табуретки. Расстояние до пола было небольшое. Но невысокой полноватой администраторше его оказалось достаточно – для проблемы. Она начала тянуть носок одной ноги вниз, стараясь нащупать пол.

В одной руке та продолжала сжимать тетрадку, другой держалась за шкаф. Но, видимо, встала на табурет она неудачно. Еще одно, – лишнее, – движение, табуретка накренилась и медработница, изменившись в лице, рухнула.

Очередь превратилась в глазастого наблюдателя. Стенка регистратуры теперь ограждала не только от людей, но и от помощи. Зараженные любопытством, все стояли и просто смотрели на лежащего медработника – облепив те самые пластиковые окошки.

Люсьена, наконец, сбросила вцепившееся и в нее оцепенение:

– Да тут же помощь нужна! Человек не двигается! – крикнула она, понимая, что сотрудница регистратуры потеряла сознание. Но, не найдя никакой поддержки со стороны наблюдателей, сама начала дергать ручку двери, которая вела в регистратуру. Закрыто.

Стоять и чего-то ждать было не в характере Люсьены. Она бросилась в коридор за помощью. Но кабинеты, находившиеся поблизости, как назло, тоже оказались заперты. Наконец, одна из дверей под стремительным напором распахнулась настезь и громко стукнулась о стену.

Внутри кабинета две женщины в белых обтягивающих халатах сидели друг напротив друга, лениво облокотившись на кресла. Две пары неизящных пальцев заключили в плен хрупкие чашечки. Судя по аромату, здесь пили кофе. Между женщинами – столик с блюдами. Посредине столика, на серебряной фольге – черные квадратики шоколада. Одна из женщин поморщилась, увидев Люсьену. Другая, уловив это движение, растягивая гласные, прокричала:

– Закройте двееерь! Вас что, стучаать не училии?! Что вы так врываетесь!!

– Там женщина упала в регистратуре, – выдохнула Люсьена.

Недовольно переглянувшись, обе встали. Поставили чашки на блюдца. Бросив жадный взгляд на черные квадратики, нехотя переключились на Люсьену.

– Ну что там еще, – проворчала та, которая только что возмущалась. Следуя за Люсьеной, обе вышли из кабинета, пошатываясь на тонких, неустойчивых шпильках. С помощью подобного искусственного увеличителя роста они старались казаться выше и стройнее. Что не особо получалось.

Когда Люсьена с врачами подошла к регистратуре, оба окошка были облеплены любопытствующими. Звучали никчемные советы и восклицания.

– Что за привычка, запирает дверь, – прошипела одна из медиков. Как по волшебству, появились запасные ключи. Медработница злобно щелкнула замком. Женщины, в том числе и Люсьена, быстро вошли в помещение.

Обе докторши склонились над своей коллегой. Та уже очнулась, но от испуга все еще не могла прийти в себя и подняться. На лбу у пострадавшей выступила кровь. Причем, Люсьене показалось, что рана была какая-то странная. Небольшой кусочек кожи оттопыривался и висел, но за ним словно находился еще один пласт кожного покрова. Но толком рассмотреть рану женщине не удалось. Появилась аптечка. Медики, заслонив свою коллегу, делали свое дело. На лбу у работницы регистратуры появилась повязка. Люсьена помогла встать женщине, удивляясь, что та первым делом начала судорожно хвататься за волосы в области затылка.

– Да все у вас хорошо и даже прическа не испортилась. – сказала даже она, но в ответ – ни слова благодарности, лишь какой-то странный взгляд. «Наверное, сильно стукнулась и перепугалась», – объяснила сама себе Люсьена непонятное поведение той.

Пострадавшей начала заниматься одна из приведенных Люсьеной особ. Другая, бросив взгляд на очередь, схватила телефон:

– Ирэна Львовна, срочно идите в регистратуру, у нас тут «чэпе», – и, бросив трубку, подошла к столу. Тут только заметила Люсьену. Облила холодом взгляда.

Будучи вовлеченной в это происшествие, на какое-то время и сама Люсьена забыла, зачем сюда пришла. Теперь, не произнеся ни единого слова, ею же приведенные медики дали понять, кто здесь лишний.

– Вон, у нее – моя тетрадь, – сказала Люсьена, словно опомнившись, и указала на перебинтованную регистраторшу (поскольку пальцем показывать неприлично, она показала двумя пальцами, тем самым образовав из них фигуру, напоминающую пистолет – «интересно, а пистолет прилично...»). Пострадавшая действительно все еще стискивала в руках ее карточку.

Получив злополучную тетрадку, Люсьена увидела в правом верхнем углу номер: «14/17», написанный от руки и подчеркнутый красным. «Что бы это значило?..» – успела подумать женщина, но переключилась на поиски нужного ей кабинета. Она, конечно, не раз была в поликлинике. Но промежутки между визитами обычно составляли больше года. Поэтому каждый раз искать «свой» кабинет ей приходилось практически заново.

Вопреки всякой логике, пятый кабинет находился на третьем этаже. Женщина живо преодолела многочисленные ступеньки лестничных пролетов. Оказалась в длинном полутемном коридоре, утыканном по обе стороны коричневыми полосами дверей. «Тут я обычно начинаю плутать» – пронеслось в голове. Этот визит не стал исключением. Женщина свернула в один из коридорных тоннелей. Но цифры на дверях кабинетов, похожие на номера квартир в плохо обустроенном доме, подсказали, что она не на верном пути. «Не тот коридор». Люсьена повернула в противоположную сторону. «Наконец-то. Нашла». Снова, логике наперекор, кабинет номер пять находился напротив кабинета номер тридцать шесть.

Очередь на третьем этаже отличалась от очереди в регистратуру. Она изменила свое положение. Из стоящей преобразовалась в сидячую. Рядом с нужным Люсьене кабинетом, на узкой коричневой скамье застыли в ожидании двое. Но рано женщина радовалась отсутствию большого количества посетителей.

– Оттуда уже целый час никто не выходит! – возмущалась, кивая в сторону кабинета женщина, возле которой Люсьена встала. – Все сидим и сидим...

– Да, врач сказала не заходить, что нас вызовут, да вот что-то никто никого не вызывает, – поддакнул мужчина, который сидел перед кабинетом первый.

– Может, стоит постучаться и напомнить о себе? – предложила Люсьена.

– Да я уже пытался зайти, но на меня так рывкнули, что нет уж, покорнейше вас благодарю, – развел руками мужчина, давая понять, что больше он ничего подобного делать не намерен.

– А я все-таки попробую. Вы не против? – спросила Люсьена у поникших посетителей. Никто не возражал. – Мы сюда не на праздник пришли. Здесь люди с плохим самочувствием сидят, что это они, в самом деле...

Возмущение придавало ей сил. И все же, она снова, приблизившись к двери, немного согнулась, словно желая быть меньше ростом, незаметнее, подсознательно, на всякий случай, принимая раболепную позу.

Снова перед ней дверь. Сколько дверей она уже сегодня открыла. Сколько ей еще их предстоит открыть. Что скрывается за ними? Откроются ли они снова, чтобы пропустить ее? Откроются ли еще раз, чтобы выпустить обратно?..

Женщина тронула ручку. Надавила на массивную дверь. Та бесшумно открылась. Щель проема медленно ширилась. Наконец, доросла до размера, готового вместить человеческое тело. Люсьена просунула в образовавшееся пространство голову. Никого не увидела в кабинете. Об этом знаком дала понять очереди, повернувшись и пожав плечами. Сделала шаг вперед. Оказалась внутри кабинета. Дверь за ней закрылась.

3.

В квартире господина Брыкина раздался телефонный звонок. Мужчина, встав с кровати, не нащупал ногой правый тапочек. Провозившись пару секунд на одном месте, он так и пошел брать трубку, в одном левом.

Телефон был раритетный. Тяжелый. С крутящимся диском. С буквами вместо цифр. Он и звенел как-то по особому, с достоинством. Благозвучной трелью. Господин Брыкин снял тяжелую трубку. Два железных рычажка моментально отпружинили.

– Да-да, – произнес он с вопросительной интонацией. Ему было интересно, кто бы это мог быть. Обычно так рано никто не звонил.

– Здравствуйте, мы из магазина «Покупай-ка», проводим соцопрос среди наших покупателей. Этот номер телефона вы указали, когда заполняли анкету для карты скидок, помните? Вы ведь регулярно делаете покупки в нашем магазине? – сразу, не дав опомниться, перешел в атаку голос из телефонной трубки.

Господин Брыкин жил один. Ему некуда было торопиться. Он позволил себя заболтать. Стал послушно и правдиво отвечать на вопросы.

– Да, я часто хожу в ваш магазин, – сказал он.

– Вам нравится ассортимент предоставленной продукции?

– Вполне, – ответил он. – То, что мне нужно, я всегда нахожу.

– А как бы вы оценили работу наших продавцов? По десятибалльной шкале, если можно...

– Можно, чего ж нельзя. На десять баллов оцениваю. Быстро работают, не болтают друг с другом, не хамят – все прекрасно.

– Хорошо, спасибо. А как бы вы оценили, тоже по десятибалльной шкале, расположение прилавков с выложенным на них товаром?

– И здесь десять баллов ставлю. Вы не тасуете, туда-сюда, товар. Все всегда лежит на своем месте. Не знаю, кого как, а меня это очень устраивает. А то в другие магазины порой придешь, а там поменяли все. Идешь за сахаром, смотришь, а на этом месте уже мыло и зубная паста лежат. Ходишь потом, ищешь по всему магазину, что тебе надо, время теряешь, – господин Брыкин решил, что проводимый соцопрос довольно значимый и будет полезен для окружающих, поэтому обстоятельно объяснял свою точку зрения. Вдобавок ему было лестно, что его мнения, – пусть и анонимно, – но спросили.

Господин Брыкин верил, что подобные соцопросы могут хоть как-то изменить жизнь в лучшую сторону. Господин Брыкин, несмотря на свои шестьдесят, продолжал быть немножечко наивным. Он и в Деда Мороза верил. Только никому об этом не рассказывал.

– Вы прекрасно ответили на все вопросы, – подытожил неизвестный собеседник, – Признаться, не каждый с нами так охотно общается. Вы – один из немногих. И, – внимание, – единственный, кому бы мы хотели вручить подарок. В течение семи дней, начиная с сегодняшнего, вы сможете забрать его в нашем магазине. А что это за подарок, мы вам не скажем. Сюрприз. Скажем только, что денег за него платить не надо – это же подарок. Вам нужно будет только прийти в наш магазин, назвать свою фамилию, показать паспорт, и наши сотрудники, удостоверившись, что вы это именно вы, выдадут вам презент. Спасибо за внимание и беседу. До свидания.

В трубке раздались гудки. Вот так, не успев опомниться, господин Брыкин был вовлечен в разговор. И также неожиданно был из него выключен. Но он не думал об этом. Он думал о подарке. Старался заглушить любопытство: «что бы это могло быть... наверняка, ерунда на постном масле, очередной рекламный трюк».

Несмотря на подобный ход мыслей, господин Брыкин, спустя несколько минут после телефонного разговора, вдруг осознал, что очень голоден. Ему вдруг очень сильно захотелось бутербродов с маслом и сыром, «а потом хорошо бы попить чайка с лимоном». Но дома ничего из возжелавшего им вдруг продуктового набора не было.

Никаких важных дел в этот день господин Брыкин не намечал. «А что мне мешает отправиться в магазин? – спросил он сам себя и самому себе же ответил: – правильно, ничего». Также ничего не мешало ему отправиться за продуктами именно в «Покупай-ку».

«А то, что мне там оставили, подачку какую-то, я брать не буду, не нужно мне ничего», – решил он по дороге. Тем не менее, в магазине этот покупатель первым делом направился в сервис-зону.

– Как можно получить подарок, который мне сегодня вроде оставили? – спросил он у персонала, стараясь придать своему голосу нейтрально-равнодушную интонацию.

– Назовите свою фамилию и дайте пожалуйста паспорт, – тут же отреагировал обученный мальчик. Сверив услышанное с написанным в документе, сотрудник сервис-зоны, в момент включил улыбку, закивал: – Все верно. Вас действительно дожидается сюрприз. Вот он... – и с этими словами откуда-то снизу он достал огромный шуршащий сверток.

«Сюрпризом» оказалась большая плетеная корзина, запакованная в прозрачный целлофан нежно-розового цвета и в тон ему перевязанная сверху розовым бантом. Сотрудник протянул корзину «счастливчику».

Господин Брыкин несколько растерялся. Он и не думал, что подарок будет столь внушительных размеров. Через упаковку он разглядел, что лежит внутри. Набор оказался довольно разноплановый. Бутылка вина, сыр, колбаса, фрукты и еще какие-то коробочки, не поддавшиеся при беглом осмотре идентификации.

– Да это просто замечательно, спасибо, – засиял в благодарной улыбке господин Брыкин, – здесь все, что я хотел, и лимоны есть, и сыр. Даже покупать ничего не надо. Осталось только хлеба взять и масла для полного счастья.

Господин Брыкин не думал о том, почему он еще час назад намеревался не брать подарок, а потом все же изменил свое решение на противоположное. Не думал, почему захотел бутербродов именно с сыром. И не особо задумывался о причинах, благодаря которым он и получил весь этот бесплатный сыр.

Оставив корзину в камере хранения, он устремился к прилавкам. Перешував с дюжину упаковок масла, он взял пачку того производителя, которую брал всегда. Господин Брыкин любил тактильные ощущения. Поэтому в хлебном отделе история повторилась. Он брал в руки сайки, вертел их, разглядывал, даже, посмотрев по сторонам и убедившись, что за ним никто не наблюдает (камеры он не учел), одну из них понюхал. Покачав головой, положил обратно. Перешел к выкладке с длинными батонами. Надавливал на каждый пальцами, стараясь таким способом прощупать время выпечки.

– Вчерашние, что ли... Какие-то они клеклые, – бормотал он себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь. – Ну-ка, а здесь, – потянулся к самым дальним в выкладке, – да, здесь явно сегодняшние.

Перешував еще пару батончиков, он, наконец, отыскал соответствующий всем параметрам и, положив его в корзину, отправился оплачивать. На экспресс-кассе, где обслуживались покупатели, взявшие не более четырех товаров, продавца не было.

– Как всегда, – встав в хвост длинной очереди, проворчал господин Брыкин. – Вот о чем надо было говорить с соцпросниками.

Но настроение у господина Брыкина все равно было хорошее. Во многом, благодаря подарку. Да к тому же сейчас он находился на полпути от реализации своего вполне осуществимого желания – попить чая с лимоном, закусывая бутербродами. Отчасти он и очереди-то был рад. «Еще и аппетит нагуляю», – мелькнула мысль.

Оплатив покупку, он, подумав немного, отправился в кондитерский отдел. Махнул рукой: «гулять, так гулять». Господин Брыкин решил взять на десерт кусочек торта. Господин Брыкин старался не думать, сколько стоит весь торт. Господин Брыкин терял аппетит, осознавая, что переплачивает.

Пока стоял в очереди, наблюдал за стоящими впереди него двумя молодыми людьми. Они взяли по два пирожных и по стаканчику чая с причудливым названием и заплатили каждый по триста рублей. С подносами молодежь проследовала к столику – довольные, счастливые, улыбающиеся, не считающие деньги и не расстраивающиеся из-за трат.

«Не хочу переплачивать за название, а чай я и сам сделаю. Да и зрители мне не нужны. Вон тот кусочек только возьму, за 60 рублей, и спокойно съем его дома, – думал он, уже облюбовав кусок торта с вишней.

Господина Брыкина грела мысль о том, что он не выбрасывает за раз столько денег. Господин Брыкин не был жадным. Господин Брыкин был экономным. Но торт с вишенкой – это выше экономии.

Вернувшись из магазина, он первым делом поставил кипятить чайник. Через пару минут тот уже начал издавать привычное похрюкивание. Напевая под нос сочиняющийся на ходу мотивчик, мужчина заварил свежий чай. Пока тот настаивался, господин Брыкин, вглядываясь сквозь целлофан в содержание сюрприза, изучил, где находятся лимон и сыр. Вынимая продукты, отворачивался и прикрывал глаза, стараясь не рассматривать остальное содержимое корзины.

Через пару минут темно-синее блюдце уже золотили кругляшки лимона. На кусочки хлеба легли тонкие пластинки застывшего масла. Сверху их прикрыли аккуратные четырехугольники сыра. Кухня благоухала ароматами.

Мужчина убрал со стола все лишнее. Смахнул крошки. Положил бутерброды на широкое блюдо с красными маками (предназначенное для тортов, оно обычно использовалось в зависимости от ситуации).

Господин Брыкин достал стакан в подстаканнике. Господин Брыкин был человеком традиций. Любил пить чай именно из стакана в подстаканнике. Вот и сейчас – не изменил ни себе, ни традиции. Налил в стакан много заварки. Туда же поочередно отправил две ложки сахара «с горкой». Залил кипятком. Бросил дольку лимона. Слегка надавливая на нее ложкой, стал наблюдать, как чай в стакане приобретает светлый лимонный оттенок.

Господин Брыкин любил вкусно поесть. Господин Брыкин любил вкусно попить. Господин Брыкин любил вдыхать вкусный аромат. Господину Брыкину нравились простые удовольствия. Он ценил их за доступность.

Сначала он ел, чтобы утолить голод. Потом принялся смаковать еду. Наконец, наступило время резко поменять вкус – на противоположный. После солоноватого сыра, он с радостью принялся за торт. Господин Брыкин любил яркое сочетание шоколадного крема, вишни и корицы. Теперь он смаковал совсем другую вкусовую гамму.

Но сегодня он не мог полностью отдаться гастрономическим ощущениям. Все затмевал острый вкус любопытства. Заставляя себя забыть о подарке, мужчина снова и снова возвращался к мысли о нем. Хотел побыстрее развернуть пакет и более тщательно рассмотреть презент. Но сознательно отодвигал этот момент.

Господин Брыкин любил устраивать самому себе небольшие развлечения. Сейчас он играл в силу воли. Тянул время, решая незамысловатые задачки, которые сам себе и придумывал.

Поначалу он решил так: «разверну подарок после того, как попью чай и съем пару бутербродов». Потом намечал: «открою сюрприз в три часа». Но после трех было: «посмотрю после того, как выучу стихотворение» – чтобы тренировать память, господин Брыкин ежедневно учил по четверостишию из «Евгения Онегина», хотя Пушкина, пресытившись им в учебные годы, особо не любил.

В какой-то момент господин Брыкин вдруг подумал: «а чего ради я тяну...» – и решительно взял «сюрприз». Да, порой господин Брыкин был непоследователен – с кем не бывает.

Снял с корзины ленту. Повертел кусочек розового атласа в руках, прикидывая, отдать ли соседской девочке или выбросить. Отложил. Зашелестел, срывая прозрачную пленку. «На что только деньги тратят», – думал он, положив ее в мусорное ведро и следя за тем, как она медленно распрямляется. «Через нее же все видно, какой смысл заворачивать?.. эстеты».

Наконец, подарок предстал пред ним во всей своей безвозмездной красе. Господин Брыкин тут же взял за горлышко бутылку с вином. С видом знатока провел пальцем по дну бутылки: «Плоское. Значит, зарубежное», – сделал вывод, чувствуя себя ценителем-знатоком. Начал изучать этикетку. «Точно», – щелкнул пальцем по бутылке, целясь в надпись: «Made in Germany». За бутылкой выложил из корзины: кусок сыра, запакowanego под размер в пленку, большое красное яблоко, грейпфрут, три мандарина и две разноплановых коробочки. В одной из них, судя по картинке, также лежал сыр. «Отлично, такой я тоже люблю», – подумал он и потянулся за другой. Взял в руки. Поднес поближе к глазам. С розовой коробочки смотрел хитро улыбающийся излишне розовощекий мужчина – само здоровье, счастье и благополучие. Господин Брыкин раскрыл ее, уже догадываясь, что будет внутри. Ожидания оправдались. Внутри находился пузырек. Мужчина вытащил его. Зачем-то потряс. Раздался звонко-стучающий и одновременно скрежещущий звук сталкивающихся друг с другом и со стенками пузырька таблеток.

Господин Брыкин почувствовал разочарование: и от того, что «тайна» уже не «тайна» и от того, что последним, и самым загадочным содержимым корзины оказались всего-навсего таблетки. «Уж лучше бы коробочку конфет положили что ли», – вертя в руках склянку, проворчал он.

Господин Брыкин вел здоровый образ жизни. Таблеток он не пил. Раз в год проходил курс гирудотерапии. Господин Брыкин доверял пиявкам. Он уже и не помнил, когда последний раз болел. И все же начал внимательно изучать инструкцию по применению таблеток. Господин Брыкин любил складывать буквы.

Исходя из прочитанного, он понял, что это какие-то витамины. «Мы не гарантируем Вам избавления от всех возрастных изменений. Но мы обещаем вернуть Вам молодость. Вы будете молодеть. Ручаемся!», – читал Брыкин вслух и комментировал – а потому что любил комментировать.

– Какие вы честные! Прямо пионеры, – громко произнес он и убрал таблетки.

Поскольку приближалось время любимого сериала, он включил телевизор. На экране кто-то за кем-то следил, кто-то от кого-то убегал, кто-то за кем-то куда-то бежал, – господин Брыкин так и не понял, кто, куда и зачем. Глазами он следил за мельтешением на экране. Но мысли его никак не анализировали ТВ-картинку. В этот момент он снова играл сам с собой. Размышлял, глотать таблетку или не стоит. Взвешивал многочисленные «за» и «против» этого решения. Любопытство или рационализм?..

Он всегда снисходительно смотрел на тех, кто покупал что-нибудь «эксклюзивное» и «по самой выгодной цене» у распространителей. Считал, уж кто-кто, а он точно не поведется на рекламу. Не попадет в сети маркетологов.

– Думаете такие умные? Не на того напали, я тертый калач старой закалки, – высказывался он, особо не задумываясь над смыслом сего выражения.

– Меня не проведешь, такого добра мне не надо, – прямо говорил он любому, когда чувствовал агитацию. Но оказалось, что тертый калач старой закалки ничего не имеет против бесплатного сыра.

«С какой стати я буду глотать таблетки?..», – снова и снова спрашивал он сам себя. Но тут же мозг переключался на фразу в инструкции: «не гарантируем Вам избавления от всех возрастных изменений» и мысли господина Брыкина устремлялись уже в иное русло: «это уже хорошо, есть хоть какая-то честность», – анализировал он. Еще через пару минут опять думал совершенно противоположное: «Да уж, как же, ты еще в возвращение молодости поверь...». И

снова возражал: «а что, сейчас многие знаменитости выглядят намного моложе своего настоящего возраста, причем точно не из-за спорта и здорового образа жизни...»

Мужчина еще долго спорил сам с собой, приводил аргументы «за» и тут же их опровергал, а потом опровергал опровержение опровержений.

«Сомнения, – размышлял он, – это когда прислушиваешься то к одному мнению в себе, то к прямо противоположному. Кто прав в этом споре? Кто выбирает одну точку зрения, перечеркивая другую? И почему именно ее выбирает?.. Получается, есть еще кто-то в тебе, некий третий, признанный авторитет, который следит за спором между этими двумя и выбирает ту позицию, которая в конечном итоге и выходит окончательной...»

В какой-то момент господин Брыкин взял в руки пузырек. Просто так, без конкретного намерения, поддразнивая себя. Он был даже сейчас уверен – уверен в том, что ничего не делает.

«Нас с детства приучают не тянуть в рот всякую гадость. Правильно. Так безопаснее», – думал он, глядя на маленькую склянку. Сквозь коричневое стекло просвечивались круглые диски. Мужчина вытащил одну таблетку. Долго смотрел на нее. Неожиданно вдруг положил в рот. Как будто кто-то другой это сделал. «Зачем...», – промелькнула мысль, когда он уже проглатывал таблетку. Подавился. Проталкивая большую, словно пуговица, пилюлю, отпил из стакана теплой воды. Таблетка встала в горле противным комом. Чтобы избавиться от неприятного ощущения, пришлось пить еще.

Господин Брыкин стоял на кухне со стеклянным взглядом и частыми маленькими глоточками пил воду. Бесплатный подарочный сыр был съеден. Мышеловка захлопнулась.

4.

Господин Брыкин действительно начал молодеть. Как и было обещано в инструкции, прилагаемой к таблеткам. Но кто-то, находящийся по ту сторону сделки, явно жульничал. Хотя об этом не было сказано ни слова, за молодость приходилось платить. Причем, дорого.

Отныне господин Брыкин с ужасом дожидался ночи. Двенадцати часов. Того самого момента, когда электронные часы, стирая все цифры, превращались в ничто. В «0:00». Начиная отчет времени, когда тело его гнула боль.

Когда она нахлынула в первый раз, Брыкин сразу решил, что отравился таблетками. И вывод был небезосновательный. Спустя пару часов после того, как он проглотил пилюлю, заболела голова. Да еще как. Сначала запульсировало в висках. Затем мощная волна боли поднялась чуть выше. Сдавила лобную часть. После перекинулась на череп – и стала сжимать его гвоздями. Со всех сторон. Все сильнее впиваясь. Все глубже забираясь в голову.

Брыкин старался замереть. Не двигаться. Закрыв глаза, чтобы не моргать – боялся почувствовать новую грань боли. Пытался даже не думать.

Спустя несколько часов сильные болевые ощущения начали затихать. Замирая, Брыкин прислушивался к своему организму. «Вроде, уже ничего...» Немного выдохнул, надеясь, что худшее осталось позади. Он хотел было позвонить в скорую: «мало ли че...» Уже снял телефонную трубку... и положил. Потому что живо представил, как будут прятать улыбку врачи, когда узнают, что их пациент-дедушка накушался всякой дряни, желая омолодиться. Почему он так решил – неизвестно. Но когда господин Брыкин начинал фантазировать, его разум быстро прятался под кровать.

«Потерплю... тем более, мне уже лучше. Гораздо лучше...» – внушал он самому себе, пытаясь не обращать внимания, как колотится и щемит сердце. В глубине души, конечно, Господин Брыкин прекрасно понимал, насколько необдуманно сначала принять неизвестный препарат, а после ухудшения самочувствия не вызвать скорую. Но он сделал так, как сделал. «Жалеть о чем-то уже поздно. А значит, бессмысленно».

Однако, спустя пару блаженных моментов, когда отпускает и ничего не беспокоит, начало скручивать руки и ноги. Мужчина, понимая, что все повторяется, поспешил лечь в кровать

и максимально расслабиться. Но помогало подобное лечение мало. Практически вообще не помогало. Он лежал, морщась, сильно стискивая зубы, и лишь сжимал и разжимал кулаки.

Судороги чередовались, перемещаясь в различные места конечностей. То тянуло жилы выше колен. То боль перекатывалась ниже и в ее тисках оказывались ступни ног. Брыкин непроизвольно взмахивал руками – из-за неожиданных уколов невидимой иглой. Быстрых и сильных. Он как будто получал удары от такого же невидимого противника. Во рту все пересохло и постоянно хотелось пить. Но встать и дойти до кухни, налить стакан воды, казалось невозможным.

Под утро он крепко уснул. Проснувшись, очень удивился тому, насколько хорошо себя чувствует. «Приснилось, что ли, все... да нет, вроде бы я точно глотал вчера какую-то гадость... а потом все болело – да так, что на стенку лезть хотелось...». Продолжая, лежа в кровати, припоминать события, он осторожно пошевелил рукой. Потом другой. Ногами. Приподнялся. Движения не вызвали ни малейшего дискомфорта. Напротив, он ощущал прилив сил и бодрости. Приподнялся. Повертел головой: «отлично». Без проблем дошел до ванной. Умываясь, подивился на собственное отражение:

– Да ты, судя по виду, спал как младенец, – поворачиваясь то правой, то левой щекой, произнес он, глядя в зеркало. Улыбнулся себе. Подмигнул, ткнул в зеркало указательными пальцами обеих рук, одновременно прищелкнув языком. – Ну, ну не хулигань, актер.

Вышел из ванной комнаты довольным и радостным, каким давно уже себя не чувствовал.

Весь день, последующий за мучительной ночью, господин Брыкин прислушивался к себе. К новым ощущениям. «Может, это побочный эффект, когда все побаливает, но мне нравится чувствовать себя в тонусе», – пришел к выводу он.

Курс приема препарата, согласно инструкции, был длительным и непрерывным. Мужчина напряженно думал, как ему поступить. «Отказаться от непонятной химии? Или принять ощущение счастья, которое они дают? Больновато, конечно, но может, так происходит с непривычки и во второй раз так больно не будет...» Наконец, сделал выбор. Теперь он уже не играл с собой. Перед сном приготовил заранее стакан воды и решительно взял пузырек. «Может быть, и знаменитые личности тоже платят за свою молодость болью. Что ж, чем я хуже...» – пытался воззвать он к голосу разума, запивая таблетку водой. Но когда уже проглотил пилюлю, вдруг подумал: «А вдруг это наркотик?...». Начал размышлять: «эффект эйфории есть. Что-то похожее на ломку тоже. Но я вроде бы держу ситуацию под контролем. Меня не тянет их пить. Напротив, я даже не хотел это делать...или все так думают». Брыкин даже вспотел от подобной мысли. «Ну вот, под старость лет наркоманом сделался», – нервно хихикнул он.

Мужчина размышлял над новой идеей, одновременно прислушиваясь к самому себе. Ему вдруг стало страшно – «а вдруг, будет еще хуже...» Брыкин снова почувствовал себя глупцом, опрометчиво глотающим непонятно что. «Ладно бы еще один раз. Но второй...», – думал он. А время вдруг резко остановилось и бросилось в никуда: «0:00».

Ночные мучения повторились. Но Брыкин все же был к ним морально готов. Зато утром появлялись перевешивающие страдания энергия во всем теле и необычный эмоциональный подъем. Отныне он пил таблетки, не терзая себя неудобными вопросами и сомнениями, а разум окончательно переселился под кровать и не высывался.

Но и от расплаты никто никого не освобождал. Каждую ночь Господин Брыкин чувствовал, что внутри него идут процессы, кардинально и быстро меняющие его, заставляющие до крови закусывать губы. Время превращалось в ощущения. Каждая секунда вонзала зубы в тело. Он и не предполагал, что боль такая многогранная. Боль, захлестывающая его по ночам, была ценой омоложения. Ценой любопытства. Ценой глупости.

Несмотря на ночные пытки, под утро мужчина крепко засыпал. После пробуждения, вопреки всякому здравому смыслу, чувствовал себя бодрым и посвежевшим.

Господин Брыкин даже не успел удивиться подобным метаморфозам. Эмоции перекрывали. Физические испытания сменяла радость с примесью эйфории. Так продолжалось с неделю.

С недавнего времени зеркало стало награждать его отражением свежего и явно помолодевшего лица. Теперь господин Брыкин, подобно подростку, подолгу рассматривал себя. Он замечал, что лицо и тело все больше преобразуются. Морщинки разглаживаются. Кожа приобретает упругость, необычайную гладкость и здоровый цвет. С каждым днем это проявлялось все явственней. Он смотрел в зеркало, снова и снова улыбаясь отражению. «Значит, никакой это не наркотик», – успокаивал самого себя.

Однажды утром, причесавшись, Брыкин заметил, что на расческе осталось очень много волос. Он тут же схватил себя за небольшую прядь. Потянул вверх и слегка дернул. Волосы остались в руке.

– Вот так тебе и надо. Будешь знать, как всякую гадость в рот тянуть, – поучал он самого себя, направляя на отражение в зеркале расческу. Однако господин Брыкин уже давно заметил, что на голове начала образовываться лысина, поэтому особого значения сему факту не придал. Лишь подумал, махнув рукой: «на клочок волос больше, на клочок меньше. Если что – побреюсь наголо, буду импозантным». Спустя еще несколько дней он полностью облысел. Потом волосы начали расти заново. Причем, довольно быстро.

– Ну вот, теперь вы крепкие и шелковистые, – расчесывая вновь образовавшуюся густую шевелюру, вспомнил он слоган ввевшегося в память старого рекламного ролика.

Из дедушки господин Брыкин довольно быстро превратился в молодежавого мужчину. Еще пара мучительных ночей – и к нему можно было обратиться не иначе как «молодой человек».

Жизнь круто поменялась. Господин Брыкин вырвался из своего привычного пассивного и размеренного распорядка, хотя тот и был ему по душе.

Теперь по утрам, чувствуя прилив энергии во всем теле, он уходил из дома на целый день. Ему было все равно, куда идти. И он шел. Ему очень нравилось долго, практически безостановочно, двигаться. Преодолевать большие расстояния. Чувствовать свободу движений. Всецело отдаваться ритму шага.

Он выбирался за город и в безлюдных местах начинал испытывать, на что способно обновленное тело. Делал рывок с места. Бежал. Ускорялся. Потом замедлял темп. Переходил на шаг. Подскакивал на месте. Прыгал в длину. Он заходил на детские площадки. Подтягивался на перекладинах и делал «колесо», удивляя, помимо малышей, еще и себя. Двигаясь, он радовался и забывал обо всем.

Устав от длительных забегов и всевозможных проверок собственного тела, он возвращался в город. Бродил по знакомым и не очень улочкам. И даже заходил в такие места, куда до этого момента путь ему был заказан.

Например, в ночной клуб. Брыкин очень сильно стеснялся этого визита. Перед тем, как пойти, оправдывался перед собой: «зайду только, чтобы мнение составить, раз уж возможность выпала... когда еще удастся...». Зашел.

В клубе оказалось темно и холодно. Пахло приторно-сладким. Играла музыка – современная, какую он не любил. Под громкие звуки двигалась молодежь. Брыкин, глядя на вертящихся девиц, забывал закрывать рот. Но знакомиться ни с кем из них не стремился. В отличие от них.

– Что, в первый раз заглянул? – вдруг услышал он вопрос, произнесенный, из-за грохота, чуть ли ни в самое ухо. Девушка. Ярко накрашенная брюнетка. Смотрит, близко наклонившись к нему. Ждет ответа, за которым может что-то последовать. Все зависит от него. Но он не настроен на продолжение. Ему нельзя:

– Да, в первый раз, – отвечает он ледяным тоном и не выявляет готовности продолжать беседу. Немного, но весьма красноречиво, отодвигается от нее.

– По-о-нятно, – говорит брюнетка, немного растягивая слова, кивает и отходит.

«Обиделась», – думает он, а сам тем временем замечает, что шорты у нее слишком коротко срезаны сзади. Брюнетка садится за соседним столиком. Несмотря на несложившуюся беседу, все равно, повернувшись к нему лицом. Так, что Брыкин постоянно находится в ее поле зрения. Время от времени она предпринимает активные атаки. Улыбаясь, подолгу и безотрывно на него смотрит. Он ловит эти взгляды. Они ему понятны. Они очень ему льстят – давно Брыкин не был объектом обольщения. Но все же, мужчине нельзя воспользоваться вернувшейся привлекательностью в полной мере. Ничего не остается, как делать вид, что он ничего не замечает. Брыкин знает, что домой ему, как Золушке, необходимо попасть до полуночи. И лучше чтобы рядом с ним не было попутчиков. Пусть и довольно привлекательных. Брюнетка терпит полное фиаско, а Брыкин, «составив мнение», в подобного рода заведений уже больше не заходил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.